

«Уважаемый Владимир Бешлягэ! Прочитала Вашу книгу «Боль» и решила непременно Вам написать. Книга произвела на меня сильное впечатление. Особенно порадовался Ваш рассказ о семейных отношениях, о судьбе подростка Эмила, я нахожу у себя много общего с ним... Елена Хынку».

ЭТО ПИСЬМО девушки из села Дахнович Котовского района свидетельствует о доверии читателя к написанному Бешлягэ, доверии, достигнутому воплощением в героях реальных прототипов.

Для Владимира Бешлягэ литература означает изучение жизни во всех ее аспектах и оттенках, постоянный и глубокий труд души. Он со вниманием читает произведения своих коллег, размышляет о предназначении и тайнах искусства слова, пишет статьи, эссе, рецензии. К какому бы жанру ни обратился, он неизменно задает вопросы о связи между словом и делом, о нравственных устоях человека. Его влекут многочисленные проблемы — моральные, этические, психологические.

Владимир Бешлягэ обладает особым талантом спрашивать.

И, вероятно, лучшие страницы его книг «Крик стрижа», «У родного порога», «Боль», «Игнат и Анна» — те, которые содержат вопросы. Психологический анализ достигает здесь самого высокого напряжения. Вот размышляет о своих отношениях с отцом Вика из романа «У родного порога»:

«Как бы хотелось Вике ходить на него! В последнее время, правда, отец стал намного ближе к ней, вернее, она сама идет навстречу ему, шаг за шагом, медленно, но идет. Началось это после того, что она узнала о предстоящем — на год, и на два, даже на три — отъезде отца за границу. Насколько до той поры ей было почти безразлично, есть ли поблизости отец или нет, настолько теперь в душу закралась тревога: почему, в самом деле, она останется без отца? Но действительно ли его возможный отъезд что-то изменит в их отношениях? Или же причина в чем-то другом? Вернее: еще в чем-то другом? Возможно».

Время в прозе Владимира Бешлягэ как бы остановлено: из сиюминутного настоящего автор возвращается назад, излюбленный его прием — ретроспекция, воскрешение в памяти прошедшего, освещение его новым светом. Читатель приглашен пройти обратный путь к детству. Глубокую мысль по этому поводу высказал Андрей Лупан в предисловии к романам «Крик стрижа» и «У родного порога» («Художественная литература», 1981): «И в первом, и во втором романах Владимира Бешлягэ чувства и мысли героев согреты, несмотря ни на что, жаром всеохватывающей, непобедимой любви к жизни. У родного порога вновь обретают они чистоту и душевные силы. Пламя родного очага связывает автора и его героев с духовным горением большого и сложного мира человечества».

Действительно, родной дом и окружающая нас вселенная составляют у Бешлягэ единое целое, и нервы этой нерасторжимой связи пропущены через героев, формируют их поведение. Герои Бешлягэ проходят по сути по двум перекрещивающимся путям: от родного дома — к миру, и от порогов позднего возраста — к детству. В «Крике стрижа» взрослый

Исай встречается с ребенком Исаем, узнавшим ужасы войны, в романе «У родного порога» Александру Мариан, «который стал с какого-то времени ощущать, будто что-то в себе теряет, будто капля за каплей уходит из души прежняя чистота», возвращается отстраивать давно покинутый отчий дом.

Герои Бешлягэ не представляют себе существования без этих глубоких корней — интеллектуальных и нравственных, без этих неисчерпаемых и свежих духовных родников. Под ногами у них земля, и они это хорошо чувствуют. Постоянство этого чувства роднит их всех, их облик освещен огнем родного очага.

Весной этого года я побывал в Малаештах, родном селе писателя. Литературная редакция радио записывала там его встречу с односельчанами. Без преувеличения можно сказать, что это было волнующее узнавание всех героев Бешлягэ. Даже имена их на страницах романа «У родного порога» не претерпели изменений. Вот в третьем ряду бадя Хорголомей, вот Пэнуца, девушка, в которую был влюблен в отрочестве Александру Мариан... Не пришел только председатель Иван Васильевич, его уже нет в живых. Видел я и родной дом писателя, он стоит — символично — меж домов его героев. Это старый крестьянский дом, с «крохотными, подслеповатыми окошечками и низенькой глиняной завалинкой», с традиционной трубой, украшенной стилизованными цветами, с мебе-

терно для него тяготенные к эпическому жанру. Мы не находим у него сложных пере-

го на Кроши-Камень (в прямом и переносном смысле: он работает в каменном карьере), перед нами неудачник как в моральном, так и в социальном плане. Прием спорен. И все же книга заражает нас тревогой писателя, она с лицом к лицу сталкивает нас с опасностью духовного автоматизма и инерции, опасностью «вещизма».

Снова и снова будет задавать Игнат себе вопросы: «Почему ты улыбнулась тогда? Почему нахмурилась? Почему посмотрела на меня с таким удивлением? Увидела в моем лице, в моей душе, в моих движениях что-то смешное? Что-то, заставляющее плакать? Что-то, чего я о себе не знаю? Скажи! Слышишь, скажи! Но образ молчит, потому что только тень его перед тобой, перед твоими глазами, она далеко, ушла в белый свет, и кто его знает, жива ли, или давно ее нет... И тогда хочется кричать, вопить, выть: зачем? зачем я позволил тебе уйти? Отчего не спросил: почему улыбнулась, почему нахмурилась, почему огорчилась, увидав меня? Почему я покинул ее?»

Бешлягэ — художник-коммунист, остро осознающий ответственность своего призвания. Отсюда высокий гражданский пафос его творчества, отсюда глубокое понимание им эстетических явлений времени. Характерно понимание самого писателя: «Что является для труда прозаика первостепенным? Труд. Затем: жизнь, проживаемая глубоко, многосторонне, искренне. И снова труд. Затем: изучение всего написанного в стране и в мире. Освоение подлинных ценностей. И снова труд. Затем: движение в творчестве от своего чувства к чувствам народа, родившего тебя и вырастившего. И снова труд. Затем: поиски новых средств выразительности, адекватных времени».

Признанию этому веришь. Именно таким неутомимым тружеником предстает писатель в своих постоянных поисках и решениях.

М. ЧИМПОЙ.

Перевод с молдавского.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Верность призванию

любо дедовских времен... В низеньких его комнатках с фотографиями ошутимо присутствие отца и матери писателя. Памяти матери посвящена лучшая книга Бешлягэ «Крик стрижа»:

«Однажды, — признался он в одном интервью, — в момент тяжелой душевной боли я начал писать, чтобы освободиться от этого...» А в другом интервью уточнил: «Да, «Крик стрижа» связан для меня с радостью исполненного долга...»

Герои Бешлягэ шагнули в его книги из реальной жизни. Прозаик шел от пережитого, находя для него соответствующую форму.

Современная молдавская проза сильна своим лиризмом. И хотя Владимир Бешлягэ — прирожденный лирик (вспомним первые рассказы его сборника «У колодца Ляхула», волнующие фрагменты из «Крика стрижа»: «Ведь нрав у него спокойный, мирно и неторопливо течет он меж зеленых долин, лугов и виноградников, запросто огибает леса и легко перерезает надвое горные хребты, чтоб ничто не мешало его ровному и свободному течению; с кручами же и утесами он яростно воевал не одну сотню лет, воевал, пока не поверг их к своим стопам, хоть были эти кручи куда старше его и казались более сильными и могучими», поэтичные страницы о любви в романе «У родного порога»), прежде всего харак-

плетений ситуаций, его всегда занимает многоплановость поступка героя. Наблюдая за тем, как преломляются в водах Днестра тени деревьев, Исай замечит: «Вот так и мы: будто разрезаны надвое». У Владимира Бешлягэ прошедшее предстает в разных ракурсах: тонкий психолог и аналитик, он и поэт. Во всех его романах есть многозначный центральный образ: крик стрижа в романе с таким же названием, дом в книге «У родного порога», сад в «Игнате и Анне». Отличаются они и особой музыкальностью, трудно поддающейся анализу, тем, что в одной статье писатель назвал «симфоническим эффектом», создающим мастерской инструментальной повесть охватывающих планов.

Владимир Бешлягэ владеет искусством «анатомии чувства в состоянии покоя» (выражение Чернышевского), его романы — это психологические исследования.

Последний его роман — монография утраченной любви. В страстном монологе Игната воссоздана вся история его любви, анатомированы причины разрыва с Анной, и в финале попытка приблизиться — попытка застенчивая и болезненная — к другой женщине, которая окажется все же «чужой».

История утраты и омертвления высокого чувства завершается сентиментально. Роман развенчивает персонажа — двухметрового парня, похоже-